

Л. Д. Широкоград

**Идеологическая
борьба
и развитие
политической
экономи
социализма
в СССР
в переходный
период**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИБ № 1411

Леонид Дмитриевич

**Идеологическая борьба
политической экономии
в СССР в переходн**

Очерки

Редактор *Р. К. Кондратьева*
Обложка художника *Б. А. Быкова*
Художественный редактор *А. Г. Голубев*
Техн. редактор *Е. Г. Учаева*

Корректоры *А. С. Качинская, К. Я. Евнина*

Сдано в набор 10.11.82. Подписано в печать 22.02.83. М-41022. Формат 60×90^{1/16}.
Бумага тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 10,5.
Усл. кр.-отг. Уч.-изд. л. 11,82. Тираж 3401 экз. Заказ № 282. Цена 1 р. 20 к.
Издательство им. А. А. Жданова. 199164, Ленинград, Университетская наб., 7/9.

Типография ЛГУ им. А. А. Жданова. 199164, Ленинград, Университетская наб., 7/9.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Борьба с буржуазной идеологией в политической экономии в первые годы Советской власти	8
§ 1. Критика концепции «логической и практической неосуществимости социализма»	—
§ 2. Критика мелкобуржуазной программы решения «мировой социальной проблемы»	31
Глава II. Борьба с ревизией в вопросах методологии политической экономии в первой половине 20-х годов	48
§ 1. Критика искажения методологических основ марксистской политической экономии А. А. Богдановым	—
§ 2. Е. А. Энгель: элементы механицизма и идеализма в трактовке основ марксистской методологии	72
Глава III. Проблема политической экономии в широком и узком смысле слова	83
§ 1. Дискуссии 20-х годов	—
§ 2. Дискуссии первой половины 30-х годов	97
Глава IV. Дискуссии 20-х годов о государственном капитализме в переходной экономике	126

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени А. А. ЖДАНОВА

Л. Д. ШИРОКОРАД

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА И РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ СОЦИАЛИЗМА В СССР В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

Очерки

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1983

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Ленинградского университета*

В монографии показывается, как отразилась на разработке ряда важнейших методологических и общетеоретических проблем политической экономии социализма острая идейная борьба, происходившая в СССР в переходный период. Особое внимание уделяется критике в советской экономической литературе 20-х годов концепции «логической и практической неосуществимости социализма», богдановской методологии «экономической науки», ограничительной версии предмета политической экономии и дискуссиям о государственном капитализме в переходной экономике.

Работа предназначена для преподавателей политической экономии, аспирантов и студентов экономических факультетов и вузов, идеологических работников, всех интересующихся вопросами истории советской экономической мысли.

Рецензенты: проблемная группа «Экономические законы и категории политической экономии. Социалистическая собственность» Северо-Западного координационного совета по общественным наукам, докт. экон. наук А. И. Сибирев (Ленингр. высшая партийная школа), канд. экон. наук Е. И. Вяткина (Ленингр. ун-т).

Ш 0603010200—057
076(02)—83 46—83

Издательство
Ленинградского
университета,
1983 г.

Лучшим нашим учителем для настоящего и будущего является правильно понятая история и использование ее сокровищницы, богатой ценными уроками.

Г. Димитров

ВВЕДЕНИЕ

За более чем шестидесятилетний период развития политической экономии социализма в СССР накоплен огромный теоретический материал. Его систематическое и глубокое изучение и обобщение началось лишь сравнительно недавно. Сокровищница советской экономической мысли до сих пор используется далеко не в полной мере.

Незадолго перед смертью крупнейший советский экономист С. Г. Струмилин говорил: «Сегодня кое-кто из нашей молодежи думает, что, говоря о системе экономических наук, об особенностях их предмета и метода, они *впервые* ставят эти вопросы. Тем не менее в действительности это совсем не так. Еще в 20—30-е годы... ставились подобные вопросы. В наши дни и в будущем и молодым, и седовласым ученым, разбирающим подобные вопросы, важно знать постановку разбираемой проблемы не только за два-три последних года, но и гораздо раньше, например в первые годы Советской власти... Важно не предавать забвению как отечественный, так и передовой зарубежный опыт, с тем чтобы критически воспринимать и тот, и другой, не повторяя прежних ошибок».¹

Всемерное усиление работы в области истории советской экономической мысли необходимо как раз для того, чтобы обогатить современную политэкономию, придать ей новые стимулы развития, повысить культуру исследования, использовать «ценные уроки» предыдущего ее развития, превратить из пассива в актив все достижения марксистско-ленинской политической экономии. Нельзя забывать, что «некоторые решения, найденные 40—50 лет тому назад, и поныне входят в золотой фонд политической экономии. Но даже и те поиски и решения, которые

¹ Струмилин С. Слово об экономических науках. — Экономические науки, 1975, № 1, с. 56—57.

с позиций непосредственных сегодняшних требований и задач науки и практики устарели, заслуживают... внимательнейшего и всестороннего изучения; научная истина относительна, и движение науки вперед исходит из всего того, что добыто в прошлом, есть отправной пункт движения вперед... Опыт науки — важнейший элемент ее современной методологии».² Можно с уверенностью сказать, что без интенсификации исследований по истории советской экономической науки невозможно повышение качественного уровня, эффективности политэкономии социализма в той мере, в какой это требуется для успешного решения задач, выдвигаемых практикой коммунистического строительства на современном этапе. А. И. Пашков еще в 1970 г. подчеркивал, что «научная разработка *истории* политической экономии социализма составляет неотъемлемую часть разработки, совершенствования самой политической экономии социализма».³

Марксистские исследования по истории советской экономической мысли имеют и громадную идеологическую значимость. В современных условиях, как отмечалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии, «фактом является... заметное обострение идеологической борьбы... Империалисты и их пособники систематически проводят враждебные кампании против социалистических стран. Они чернят и извращают все, что происходит в этих странах. Для них самое главное — отвлечь людей от социализма».⁴

Одним из важных объектов идеологической борьбы является история советской общественной, в том числе и экономической мысли. Современные буржуазные советологи и ревизионисты всячески извращают реальный исторический процесс формирования и развития политэкономии социализма в нашей стране.⁵ Они игнорируют фундаментальное значение работ В. И. Ленина в создании основ политэкономии социализма и

² Черковец В. Марксистско-ленинская политическая экономия в широком смысле. — Экономические науки, 1975, № 6, с. 85.

³ Пашков А. История политической экономии социализма как наука. — Экономические науки, 1970, № 12, с. 82.

⁴ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 9.

⁵ См., напр.: Kaufman A. The origin of "the political economy of socialism". — Soviet Studies, 1953, vol. IV, N 3; Miller J. A political economy of socialism in the making. — Soviet Studies, 1953, vol. IV, N 4; Nove A. Economics in the USSR. — St. Antony's papers. Number 1. Soviet Affairs. Number one. London, 1956; Erlich A. The Soviet industrialization debate, 1924—1928. Cambridge, Massachusetts, 1960; Wiles P. The political economy of communism. Oxford, 1962; Nove A. The Soviet economy. An introduction. London, 1965; Spulber N. Soviet strategy for economic growth. Bloomington & London, 1967; Nove A. Marxist economic theory today. — World Today, 1967, December; Kaser M. Soviet economics. London, 1970; Nove A. A note on Trotsky and the "left opposition", 1929—1931. — Soviet Studies, 1977, vol. XXIX, N 4; Millar J. R. A note on primitive accumulation in Marx and Preobrazhensky. — Soviet Studies, 1978, vol. XXX, N 3; Nove A. Political economy and Soviet Socialism. London, 1979, и др.

роль экономистов-ленинцев в ее развитии. Более того, политэкономии социализма они вообще не признают за науку, всячески выпячивая роль и значение в развитии экономической мысли в СССР экономистов антимарксистского направления.

Характерной в этом отношении является книга Н. Ясного «Советские экономисты двадцатых годов. Имена, которые нужно помнить».⁶ Наиболее крупными экономистами 20-х годов в СССР, как пытается доказать Н. Ясный, были В. Громан, В. Базаров, Н. Кондратьев, Н. Суханов, Н. Череванин и некоторые другие экономисты меньшевистского и неонароднического толка. Именно они, по утверждению Н. Ясного, внесли действительно ценный вклад в развитие экономической теории.

Поскольку на рубеже 20—30-х годов выявилось идейное банкротство различного рода немарксистских концепций экономического развития страны, что привело к существенному ослаблению, а затем и полному прекращению их влияния на развитие экономической науки в СССР, буржуазные экономисты и ревизионисты резко противопоставляют 20-е годы как «„золотой век“ советской экономической мысли»⁷ последующим периодам в ее развитии.

Первейшей задачей марксистской истории политэкономии социализма является разоблачение подобного рода фальсификаций. В частности, очень важно дать марксистскую оценку сложному и весьма противоречивому процессу развития экономической науки в СССР в 20-е годы, вскрыть несостоятельность без устали повторяемого нашими идейными противниками утверждения о регрессе советской экономической мысли в 30-е годы. Нельзя забывать, что «запаздывание с теоретической разработкой новых проблем всегда используется буржуазной идеологией, нащупывающей те вопросы, которые остаются не освещенными марксистско-ленинской мыслью, и навязывающей свои оценки и фальсификации».⁸

Таким образом, исследование проблем истории политической экономии в СССР в современных условиях диктуется не только потребностями развития самой политической экономии, но и настоятельной необходимостью развертывания бескомпромиссной борьбы с нашими классовыми врагами, усиливающими свои нападки на реальный социализм и его идейные ценности.

В партийных документах неоднократно отмечалась необходимость тесной увязки критики немарксистских концепций с позитивной разработкой соответствующих проблем. Только при такой увязке, указывается в постановлении ЦК КПСС от 14 августа 1967 г. «О мерах по дальнейшему развитию общественных

⁶ J a s n y N. Soviet economists of the twenties. Names to be remembered. Cambridge, 1972.

⁷ New currents in Soviet type economies: a Reader. Scranton. Pennsylvania, 1968, p. 11.

⁸ Идейное оружие коммунистов. — Коммунист, 1976, № 18, с. 45.

наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве», может быть изжита декларативность этой критики.⁹ «Маркс, Энгельс и Ленин,—говорил Б. Н. Пономарев,—никогда не ограничивались в своей критике враждебных концепций чисто разоблачительной стороной дела. Сила их критики состояла в том, что они никогда не давали противнику паразитировать на нерешенных проблемах, смело ставили эти проблемы, указывали пути их решения». ¹⁰ В Отчете ЦК КПСС XXIV съезду партии отмечалось, что «убедительность критики буржуазных и ревизионистских наскоков на нашу теорию и практику в огромной степени усиливается тогда, когда она опирается на активное и творческое развитие общественных наук, марксистско-ленинской теории». ¹¹ В речи на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук вузов М. А. Суслов подчеркивал: «Творческое развитие марксистско-ленинской теории как базы усиления борьбы против буржуазной идеологии во всех ее проявлениях — одна из важнейших задач наших общественных наук». ¹²

При написании работы автор исходил из того, что всякое подлинно научное исследование вопросов истории советской экономической мысли должно способствовать расширению базы для развертывания и углубления критики буржуазных и ревизионистских концепций этой истории.

В свое время Ф. Энгельс писал: «Теоретическое мышление каждой эпохи... это — исторический продукт, принимающий в различные времена очень различные формы и вместе с тем очень различное содержание». ¹³ Такого рода историческим продуктом, весьма своеобразным как по содержанию, так и по форме, было и теоретическое мышление в политической экономии СССР в переходный период от капитализма к социализму.

Корни этого своеобразия следует искать в специфике производственных отношений переходного периода, прежде всего в многоукладности экономики, которая была экономической основой острой классовой борьбы. Эта борьба происходила и в сфере идеологии и наложила сильнейший отпечаток, в частности, на все развитие политической экономии, что проявилось, например, в принципиально различном классовом подходе отдельных авторов к анализу сущности переходной экономики, механизма ее функционирования и основных закономерностей и тенденций развития, к самой методологии этого анализа. Острейшая идейная борьба, происходившая внутри страны в переходный пери-

⁹ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 9. М., 1972, с. 346.

¹⁰ Пономарев Б. Н. Избранное: Речи и статьи. М., 1977, с. 391.

¹¹ Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, с. 103.

¹² Суслов М. А. На путях строительства коммунизма, т. 2. М., 1977, с. 303.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 366.

од и в конечном счете связанная с особенностями производственных отношений этого времени, предопределила совершенно особую атмосферу, в которой развивалась политэкономия в данный период, — атмосферу напряженных дискуссий по теоретическим вопросам, то или иное решение которых в значительной степени было связано с определением генеральной перспективы развития страны — к социализму или к капитализму.

Отсюда следует, что при исследовании развития экономической мысли в переходный период прежде всего важно показать, как развертывалась и протекала идейная, классовая борьба в экономической науке. «История марксистско-ленинской политической экономии социализма... — справедливо отмечал А. Пашков, — должна содержать критику антимарксистских, антиленинских теорий для понимания того, в борьбе с какими течениями, направлениями возникла, сформировалась и развивается политическая экономия социализма».¹⁴

Автор исходит из того, что вскрыть классовый смысл той или иной теоретической концепции можно лишь критически преодолев ошибочность ее чисто теоретического содержания. Поэтому историк политической экономии социализма должен обращать особое внимание на этот аспект критики буржуазных экономистов и ревизионистов исследователями прошлого. При его игнорировании или недооценке невозможно сколько-нибудь глубоко и обоснованно показать связь соответствующей теоретической системы с интересами определенных классов, и поэтому нельзя достаточно глубоко раскрыть, как реализовался принцип партийности в становлении и развитии политической экономии социализма.

Монография состоит из ряда очерков, которые в совокупности дают представление о некоторых наиболее характерных направлениях идейной борьбы в политической экономии в СССР в переходный период.

¹⁴ Пашков А. История политической экономии социализма как наука, с. 87.

БОРЬБА С БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИЕЙ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

§ 1. КРИТИКА КОНЦЕПЦИИ «ЛОГИЧЕСКОЙ И ПРАКТИЧЕСКОЙ НЕОСУЩЕСТВИМОСТИ СОЦИАЛИЗМА»

Как известно, переход к нэпу породил у нетрудовых слоев населения иллюзии относительно возможности реставрации капитализма в Советской России и привел к резкой активизации буржуазно-либеральных настроений. В этой обстановке появляется целый ряд изданий, имевших не только антимарксистский, но и антисоветский характер. Одним из них был журнал «Экономист», издававшийся в первой половине 1922 г. В первых трех его номерах была опубликована серия статей Б. Д. Бруцкуса «Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе». Они занимают особое место в русской буржуазной литературе послереволюционного периода, так как в них содержалась буржуазная «критика» важнейших методологических принципов марксистско-ленинской экономической теории социализма. Будучи в эмиграции, Бруцкус переиздал эти статьи на немецком языке в виде брошюры.

Указанное произведение сыграло немаловажную роль в формировании буржуазной советологии. Оно получило восторженную оценку реакционнейших буржуазных идеологов, которые признали, что Бруцкус стоит у истоков буржуазной «критики» реального социализма. Так, в 1935 г. один из активных защитников теории «логической и практической неосуществимости социализма» Ф. Хайек писал, что «выдающийся экономист» Бруцкус вместе с М. Вебером «разделяют честь указания на центральную проблему экономики социализма», которое было сделано каждым из них фактически одновременно с Л. Мизесом и совершенно самостоятельно.¹

¹ *Collectivist economic planning* / Ed. by F. A. von Hayek. London, 1935, p. 32—35. — Имея в виду статью Л. Мизеса «Экономический расчет в социалистическом обществе», опубликованную весной 1920 г., и еще одну его работу, Хайек заявил, что они «представляют отправной пункт, из которого с необходимостью должны исходить все дискуссии об экономических проблемах социализма, претендующие на серьезность, — как конструктивного, так и критического характера».

Оценка статей Бруцкуса с позиций марксизма-ленинизма была дана в том же 1922 г. В. Мотылевым. Объясняя необходимость их критического анализа, он, в частности, писал: «Статьи эти не блещут оригинальностью, — носят поверхностный и фельетонный характер и в другое время вряд ли заслуживали бы внимания. Но в современных условиях они приобретают интерес, ибо характеризуют выпукло и четко идеологические и теоретические позиции научных апологетов капитализма».²

В первом разделе своей работы Бруцкус заявил, что «марксизм не разработал теории социалистического хозяйства», хотя и «определил его основные принципы». В результате отсутствия такой теории русские большевики, придя к власти, якобы оказались беспомощны: они «вынуждены переходить от эксперимента к эксперименту в такой момент, когда ввиду совершенно критического положения народного хозяйства следовало бы действовать наверняка».³ Последователям научного социализма Бруцкус противопоставил утопических социалистов, которые «на первом плане ставили задачу конструирования нового общества».⁴

К подобным выводам, по мнению Мотылева, Бруцкус пришел потому, что он «не уяснил себе основного различия между марксистами и социалистами-утопистами! Марксизм с достаточной полнотой определил, как это вынужден признать и критик, основные принципы социалистического хозяйства и основные пути строительства в переходную эпоху. Марксизму совершенно чуждо было, однако, стремление утопистов теоретически конструировать заблаговременно отвлеченным умозрительным путем подробное строение социалистического хозяйства и конкретный план переходных мероприятий. С точки зрения марксизма вполне очевидно, что все это будет определяться в каждый данный момент и в каждой данной стране уровнем развития производительных сил, социальной структурой общества, особенностями развития других стран, что конкретный план этот будет твориться и совершенствоваться в длительную переходную эпоху».⁵

В. Мотылев подчеркивал, что стремление Б. Бруцкуса доказать, будто научный социализм так и не создал теории социалистического строя, не было случайным, но диктовалось вполне определенными классовыми интересами. «Глубокие причины неразработанности социализма как положительного учения г. Бруцкус усматривает в том, что категории марксизма несо-

² Мотылев В. Об основных проблемах экономической теории социализма. — Красная новь, 1922, кн. 4, с. 193.

³ Бруцкус Б. Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе. — Экономист, 1922, № 1, с. 51.

⁴ Там же, с. 49.

⁵ Мотылев В. Об основных проблемах экономической теории социализма, с. 194.

стоятельны и оказываются неприменимыми при попытке разработки теории социализма, в том, что само социалистическое хозяйство в том виде, как оно понимается, неосуществимо».⁶ В. Мотылев, таким образом, квалифицирует теорию Б. Бруцкуса как теорию неосуществимости социализма. Именно так трактуют ее и современные историки политэкономии социализма.⁷

Не имея якобы возможности опереться после прихода к власти на научную теорию социалистического строя, большевики, как утверждал Б. Бруцкус, предприняли авантюристическую попытку перейти к социализму на основе использования исключительно насильственных, принудительных мер.⁸ «Нашему критику, — писал в связи с этим В. Мотылев, — такая постановка вопроса потому так нравится, что облегчает критику ненавистного социализма! Это проявляется особенно ярко в его отношении к периоду военного коммунизма в России. Г. Бруцкус силится представить дело таким образом, будто период военного коммунизма представляет ... осуществление того развернутого социалистического строя, к которому стремились марксисты. Неосуществимость социализма он доказывает фактами затруднений, болезненных искажений и разрухи периода военного коммунизма. Эти явления, по его мнению, характерны всегда и вообще для всяких попыток строительства социализма, имманентны социализму как таковому. Г. Бруцкусу будто бы непонятно, что период военного коммунизма с его ... губительным влиянием на состояние народного хозяйства России был обусловлен напряженной борьбой на фронтах и в тылу с классом, к которому он принадлежит и идеологию которого он формулирует, а также разрухой, которую оставили его единомышленники в наследство восставшему пролетариату... Г. Бруцкусу будто бы неизвестно, что развернутый социализм может появиться лишь в результате переходной эпохи как ее продукт, что план и методы строительства социализма будут совершенствоваться, а пред-

⁶ Там же.

⁷ Я. А. Файнберг, например, пишет: «Одним из наиболее видных русских авторов этой теории (имеется в виду теория «логической и практической неосуществимости социализма», «выдвинутая впервые Л. Мизесом». — Л. Ш.) был Б. Бруцкус». — См.: Буржуазные и мелкобуржуазные экономические теории социализма: Критические очерки. 1917—1945 гг. М., 1975, с. 173.

⁸ Концепция случайности, незакономерности Великой Октябрьской социалистической революции, как известно, до сих пор прочно входит в «теоретический» арсенал буржуазных советологов. «...Все их суждения, — указывалось в журнале «Коммунист», — в конечном счете... сводятся к тому, чтобы доказать случайность и неповторимость социалистической революции в России, изобразить ее как некий продукт деятельности энергичной группы заговорщиков, как исторический зигзаг, которого, мол, можно было бы избежать...» (Крупный вопрос исторического материализма. — Коммунист, 1979, № 18, с. 33); см. также: Победное знамя Октября. — Коммунист, 1981, № 15, с. 8—9; Марушкин Б. И. История и политика: Американская буржуазная историография советского общества. М., 1969, с. 162—175.

посылки социализма создаваться целую длительную переходную эпоху...»⁹

По мнению Б. Бруцкуса, социализм не только практически неосуществим, но даже теоретически немыслим прежде всего потому, что он несовместим с так называемым «хозяйственным принципом». «...Всякая хозяйственная деятельность, — писал он — ...должна быть подчинена принципу о соответствии между затратами и результатами. Недаром этот принцип считают конституирующим хозяйственную деятельность, отличающим ее от всякой иной деятельности человека. Надо только полагать, что принцип этот в социализме должен проявиться в своеобразных для него формах».¹⁰

Приступая к анализу социализма, Б. Бруцкус, таким образом, фактически вел речь не об исторически определенных системах производственных отношений или объективных экономических законов, а о хозяйственной деятельности людей и принципах ее организации, что сразу же придает всем его рассуждениям не политэкономический, а, скорее, праксеологический характер. Традиционное для буржуазных экономистов указание на хозяйственный характер деятельности людей, подлежащей политэкономическому изучению, фактически означает включение в сферу политэкономию отношений человека к внешней природе, что приводит к выхолащиванию социального содержания этой науки, к ее натурализации.

Еще более важным, однако, представляется тот факт, что Б. Бруцкус, задавшись целью дать анализ исторически определенного, а именно социалистического типа хозяйственной деятельности, игнорирует его специфику. Он *заранее* исходит из того, что при социализме хозяйственная деятельность должна «конституироваться» *по существу* так же, как и при капитализме. Социализм может отличаться от капитализма якобы лишь «формой проявления» универсального «хозяйственного принципа». При такой постановке вопроса хозяйственный механизм при социализме может мыслиться лишь как нечто *однотипное* с хозяйственным механизмом капитализма, и, таким образом, проблема принципиального, коренного различия между хозяйственными механизмами капитализма и социализма *заранее* снималась. Подобный методологический подход совершенно никак не обосновывался Б. Бруцкусом, а рассматривался им как нечто само собой разумеющееся. Обнаруживая затем, что реальные элементы социалистического хозяйствования не соответствуют его схеме, он отвергал их как немыслимые и абсурдные. В действительности это несоответствие свидетельствовало лишь

⁹ Мотылев В. Об основных проблемах экономической теории социализма, с. 195.

¹⁰ Бруцкус Б. Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе, с. 52.

о надуманности и несостоятельности его схемы. Методологически глубоко ошибочная постановка «проблем народного хозяйства при социалистическом строе» (игнорирование реальной диалектики общего и особенного в процессе общественного развития, откровенный антиисторизм) закрыла для Б. Бруцкуса саму возможность их правильного решения.

Все сказанное не означает, конечно, что всеобщие экономические категории и законы не действуют при социализме. Наоборот, еще К. Маркс отмечал, что их роль здесь повышается.¹¹ Однако определяющее значение имеют все же не они, а специфические для социализма категории и законы, прежде всего основной экономической закон социализма. И если уж говорить о том, чем «конституируется хозяйственная деятельность» в условиях социализма, то прежде всего необходимо указать на основной и другие специфические экономические законы социализма. Они же определяют условия, механизм действия и особые формы проявления общих экономических законов при социализме. Центральное место специфических экономических законов функционирования не только социалистического, но и любого другого типа хозяйства в соответствующей системе экономических законов объясняет, почему политическая экономия является исторической наукой. «...Политическая экономия по своему существу — историческая наука, — писал Ф. Энгельс. — Она имеет дело с историческим, т. е. постоянно изменяющимся материалом; она исследует прежде всего особые законы каждой отдельной ступени развития производства и обмена, и лишь в конце этого исследования она может установить немногие, совершенно общие законы, применимые к производству и обмену вообще».¹² Б. Бруцкус же вместо исследования «особых законов», присущих социализму, твердил о вечности и неизбежности неких общих экономических принципов; существование же тех экономических форм, которые, как он полагал, противоречили этим принципам, он объявлял незаконным, мимолетным.

Проблемам хозяйственного учета в социалистической экономике Б. Бруцкус уделяет особенно большое внимание. Это было связано с тем, что, по его мнению, в принципиальной невозможности организации такого учета как раз и «заключается самое больное место... социалистического хозяйства». Чтобы ясно понять позицию Б. Бруцкуса по данному вопросу, необходимо иметь в виду, что в качестве единственно возможной системы организации народнохозяйственного учета он рассматривал ничем не регулируемый капиталистический рынок. Поэтому уже сам

¹¹ Архив Маркса и Энгельса, т. IV, М., 1935, с. 119. — Действие общих экономических законов при социализме и их место в системе экономических законов социализма глубоко проанализированы в работах Д. К. Трифонова, в частности в его монографии «Общие экономические законы» (Л., 1964).

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 151.

по себе процесс социалистического обобществления, поскольку в его ходе якобы происходила ликвидация рыночных связей и отношений, по его мнению, не мог не сопровождаться «атрофией хозяйственного расчета». «Именно такое явление атрофии хозяйственного расчета мы наблюдали в России параллельно со стремительным разрастанием социалистического хозяйства за счет частного, параллельно отмиранию рынка и денежной системы... Такое положение неминуемо должно было привести народное хозяйство к катастрофе, и оно его к ней и привело».¹³

«Отмирание» денег и рынка, «атрофия хозяйственного расчета» в период «военного коммунизма» действительно происходили. Однако эти процессы были связаны не с принципиальным курсом партии на немедленную ликвидацию товарно-денежных отношений, на создание безденежного хозяйства уже в рамках переходной экономики. Натурализация хозяйственных отношений в условиях военного времени и крайней разрухи была неизбежна, носила вынужденный характер. В резолюции XI Всероссийской конференции РКП(б) (декабрь 1921 г.) «Очередные задачи партии в связи с восстановлением хозяйства», например, прямо указывалось, что методы, применявшиеся Советской властью в области народного хозяйства в период «военного коммунизма», «вызваны были специальными условиями эпохи острой гражданской войны».¹⁴ Будучи вынужденной необходимостью, натурализация экономических связей столь же объективно привела к сильнейшему расстройству денежного механизма хозяйственного расчета.

Б. Бруцкус же рассматривает хозяйственный механизм, сложившийся в период «военного коммунизма», как органически вытекающий из принципов марксизма. Поэтому он пытается внушить читателю, что отказ от политики «военного коммунизма» есть не что иное, как фактическое признание утопичности проектов социалистического преобразования общества и неизбежности возврата к капитализму. «В настоящее время, — пишет он, — мы видим, как государство пришло к убеждению, что так дальше вести хозяйство нельзя. Оно нашло выход в восстановлении свободного рынка и в ценностном учете отдельных предприятий государства, построенном на директивах, исходя-

¹³ Бруцкус Б. Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе, с. 54. — Попутно отметим, что здесь Б. Бруцкус пытается убедить своих читателей, будто именно отказ Советской власти вернуть страну на рельсы капиталистического развития является причиной хозяйственной разрухи.

¹⁴ КПСС в резолюциях... т. 2. М., 1970, с. 301. — О том, что В. И. Ленин, партия рассматривали политику «военного коммунизма» не как нормальную экономическую политику построения социализма, а как политику, объективно обусловленную конкретными условиями определенного исторического периода, убедительно говорится в книге Е. Г. Гимпельсона «„Военный коммунизм“: политика, практика, идеология» (М., 1973).

щих от рынка».¹⁵ Подобная трактовка нэпа получила широкое распространение в антимарксистской литературе, в том числе и в современной.¹⁶ Она является в корне ошибочной, ибо не учитывает, что партия, Советское государство допускали далеко не абсолютную, а лишь такую свободу рыночных отношений, которая не могла бы представить сколько-нибудь серьезную угрозу диктатуре пролетариата.

Этот аспект проблемы партия никогда не выпускала из поля своего зрения. Уже на X съезде РКП(б), который принял решение о переходе к нэпу, В. И. Ленин не только поставил данный вопрос в теоретической плоскости, но и дал его решение. «...Можно ли до известной степени восстановить свободу торговли, свободу капитализма для мелких земледельцев, не подорывая этим самым корней политической власти пролетариата?—говорил он в докладе о замене разверстки натуральным налогом. — ...Можно, ибо вопрос — в мере. Если бы мы оказались в состоянии получить хотя бы небольшое количество товаров и держали бы их в руках государства, в руках имеющего политическую власть пролетариата, и могли бы пустить эти товары в оборот, — мы бы как государство к политической власти своей прибавили экономическую власть... Мы можем в порядочной степени свободный местный оборот допустить, не разрушая, а укрепляя политическую власть пролетариата».¹⁷ Несколько позже XI Всероссийская конференция РКП(б) указала в одной из своих резолюций: «Основной задачей РКП в данный момент в области хозяйства является руководство хозяйственной работой Советской власти в том направлении, чтобы, исходя из наличия рынка и считаясь с его законами, овладеть им и путем систематических, строго обдуманных и построенных на точном учете процесса рынка экономических мероприятий взять в свои руки регулирование рынка и денежного обращения».¹⁸

Указанные партийные документы, определявшие сущность новой экономической политики, были опубликованы до того, как была издана рассматриваемая работа Б. Бруцкуса. Он поэтому не мог не знать об их существовании. Во всяком случае, затрагивая вопросы, получившие решение именно в этих документах, он обязан был дать их анализ. Такого анализа или хотя бы ссылок на источники документального характера у Б. Бруцкуса нет и, по-видимому, не случайно, ибо они не только не подтверждали его выводы, но прямо противоречили им.¹⁹

¹⁵ Бруцкус Б. Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе, с. 55.

¹⁶ Подробнее об этом см.: История социалистической экономики СССР, т. 2. М., 1976, гл. 1, § 3.

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 62—64.

¹⁸ КПСС в резолюциях... т. 2, с. 301.

¹⁹ Сознательное игнорирование фактов было одной из особенностей подхода Б. Бруцкуса к «анализу» советской экономики. Советские исследователи обратили на это внимание еще в начале 20-х годов. Так, Р. Арский писал